

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

СПЕЦНАЗ
ОФИЦЕРЫ

**ГЛАДИАТОР
В ПОГОНАХ**

Спецназ. Офицеры

Сергей Зверев

Гладиатор в погонах

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Гладиатор в погонах / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2017 — (Спецназ. Офицеры)

ISBN 978-5-699-93891-9

Подполковник ГРУ Максим Иконников, направленный в Сирию с особым заданием, попал в плен к экстремистам. Бандиты пытаются манипулировать пленником, склоняя его к сотрудничеству и надеясь на хорошие дивиденды. Максим делает вид, что принимает условия игры, но втайне готовит побег. Опытный разведчик не знает, что реальную опасность для него представляет не только банда кровожадных террористов, но и родное высокое начальство, до которого уже дошли сфабрикованные доказательства подлой «измены» подполковника Иконникова.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93891-9

© Зверев С. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Зверев

Гладиатор в погонах

© Зверев С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Глава 1

«...Рев трибун заполнил все пространство. Он шел волнами, оглушал и парализовал сознание. Он вливался в темный коридор, ведущий на арену, возбуждал его и учащал сердцебиение. Внешне Максимус выглядел спокойно. Он проверил крепление скутума на левой руке, поправил поножу на правой ноге. Встал прямо, прислушался. Рев прекратился. Максимус напрягся. Бой кончился, понял он. Затем арена вновь взорвалась.

Через минуту в коридор внесли поверженного гладиатора. Из перерезанного горла толчками пульсировала алая кровь, левый глаз вылез наружу из глазницы и смотрел на уже чужой для него мир недоуменным взглядом. Сильный удар в лоб, понял Максимус. Он скользнул по погибшему товарищу равнодушным взглядом, закрыл глаза, сделал несколько глубоких вдохов.

С арены вошел эдитор.

– Слишком быстро закончился бой. Император недоволен, – сообщил он Максимусу и ланисте.

– А я предупреждал, что этот германец еще сырой, – невозмутимо заметил ланиста.

– Так, следующий готов?

– Готов.

– О-о! Максимус! – Эдитор довольно цокнул языком. – Давай, покажи все, на что ты способен.

– Вперед. – Ланиста слегка подтолкнул Максимуса в спину.

Гладиатор вышел на арену вслед за эдитором. После темного помещения яркое солнце ослепило. Он инстинктивно прикрыл глаза ладонью, из-под ладони стал обозревать трибуны, ища взглядом императора.

– Секунтор Максимус! – громко объявил эдитор зрителям. – Семнадцать побед, одно поражение.

– А-а-а! – взревели трибуны.

С противоположного конца арены вышел высокий эфиоп с сетью и трезубцем.

– Ретиарий Саадат. Десять побед, ни одного поражения, – возвестил торжественно эдитор.

Трибуны взвыли, многие хлопали в ладоши. «Вот это будет бой!» – восторженно сообщил молодой горожанин в холщовой тунике молоденькой симпатичной девушке. Та только кивнула головой, смотря на арену широко раскрытыми глазами.

Максимус повернулся к центральной трибуне, на которой сидел император Тиберий:

– Ave, Caesar. Morituri te salutant!..¹

– Кёнен зи мир битте хельфен? – Немецкая журналистка, сидевшая рядом с Максимом, прервала его чтение. Она безуспешно пыталась опустить синюю пластмассовую шторку на иллюминаторе, чтобы солнце не било ей в глаза. Максим приподнялся со своего кресла, опустил шторку.

– Спасибо. – Немка приветливо улыбнулась мужчине. – Вы есть офицер?

– Да, офицер. А вы журналистка из «Дойче велле»?

– Рихтихь. Я плохо говорить по-русски. Я зовут Ингрид.

– Максим. Может, перейдем на английский? – предложил Максим, который в немецком чувствовал себя слабовато.

– О, ес!

¹ Здравствуй, Цезарь. Идущие на смерть приветствуют тебя! (лат.)

По-английски немка говорила вполне сносно. Она сообщила, что в Сирию летит впервые, что ей поручили составить репортаж об освобождении Пальмиры и что в эту командировку она с трудом отпросилась у своего редакционного начальства.

– А вы не строевой офицер, – сказала вдруг Ингрид Максиму, лукаво улыбнувшись.

– Почему вы так считаете? – Мужчина слегка напрягся.

– У вас под мышкой пистолет, вы говорите как настоящий лондонец, и когда вы разговариваете со своими, то не говорите «так точно» и «никак нет».

«Наблюдательная... зараза, – мысленно чертыхнулся Максим, – а еще говорит, что плохо знает русский».

– О, нет, нет, – обворожительно улыбнулась немецкая журналистка, – если у вас какая-то секретная миссия, то я больше не буду касаться этой темы.

– Ну что вы, – Максим тоже улыбнулся женщине, – особого секрета нет. Я военный советник. Буду консультировать сирийских офицеров по вопросам защиты населенных пунктов от бандитов.

– А вы знаете местные языки?

– Да... Арабский, курдский неплохо.

– Здорово! Мы, немцы, в этом плане ленивы. Ну, английский, французский еще осиливаем. А остальные – только узкие специалисты...

– Подлетаем. – Максим привстал и посмотрел в окно иллюминатора.

За стеклом виднелась сине-зеленая гладь моря. Оно блестело на солнце и радовало глаз. Справа по борту самолета – два корабля. И хотя они с пятикилометровой высоты выглядели игрушечными, он сразу понял, что это наши военные корабли. Здесь недалеко наша база «Тартус».

Военно-транспортный самолет забит под завязку. Какие-то приборы, запчасти для «МиГов» и «Сушек», запасы продовольствия для постоянного состава, гуманитарная помощь для местного населения. Были еще какие-то ящики, которые перед погрузкой на Чкаловском аэродроме охраняли полкзвода автоматчиков.

Весь салон огромного самолета разделен на три части. Рядом с кабиной пилотов – отсек для ВИПов. Своего рода бизнес-класс. Он оборудован более-менее комфортно: приятная бежевая обивка салона, около иллюминаторов прикручены к полу самолетные кресла, кнопки вызова стюарда, если так можно назвать улыбчивого капитана в летной форме, приставленного к пассажирам.

Центральная часть самолета, отделенная от «бизнес-класса» небольшой перегородкой, полностью забита грузом. В хвостовой части находятся суровые и молчаливые автоматчики и кинолог с собаками.

Публика в «бизнес-классе» разношерстная: военные летчики, два врача, летные техники, саперы и журналисты (все наши, за исключением одной немки). И еще двое штатских с военной выправкой и таинственным выражением лица, по всей видимости военные контрразведчики. Максим тоже относится к этой категории: к таинственным «штатским».

Он предчувствовал, что его пошлют в эту командировку, но не думал, что так быстро. Заместитель начальника ГРУ Плешкунов вызвал его к себе неделю назад.

– Как самочувствие, Максим Михайлович? – Короткий жест начальника, приглашающий присесть за длинный стол, за которым обычно проходят совещания. Вопрос дежурный. Но с двойным дном.

– Не жалуюсь, товарищ генерал. – Максим внимательно посмотрел на шефа.

– Ну что ж, тогда собирайся. Полетишь в Сирию. Сменишь Дорофеева.

– Понял, товарищ генерал. С теми же функциями?

– Нет, – генерал помотал седой головой, – задачи у тебя будут посложнее. Пора создавать сеть.

– Контингент?

– Оппозиционные группировки. Скоро на волне перемирия начнутся контакты с местными душманами. Момент благоприятный, упускать нельзя...

– Значит... – Максим посмотрел на шефа, прищурившись, словно в прорезь прицела, – мы там надолго...

– Правильно мыслишь, – Сирию нам терять нельзя. Потеряем Сирию – окончательно потеряем весь Ближний Восток.

– Прикрытие?

– Будешь, так же как Дорофеев, военный советник. Но о твоём истинном задании будут знать только два человека: комбриг и Каретников.

– А Каретников что там делает?

– Он как представитель генштаба является там главным координатором. Поэтому в своей работе организационные вопросы тебе придется решать с ним. Но только это. Вот литерное дело по Сирии. Здесь все последние данные по оперативной обстановке, кое-какие характеристики по главарям. Остальное расскажет Дорофеев. Деньги получишь на месте в тайнике. На первое время миллион долларов.

– Когда вылетать, товарищ генерал?

– Через несколько дней. Времени мало. Готовься.

После начала нашей кампании в Сирии прошло полгода. Активная фаза закончилась. Две трети наших самолетов вернулись домой. На фоне наших военных успехов надо вербовать местных главарей в среде оппозиции. «Все логично», – заключил Максим.

Посадка прошла благополучно. По тому, как напрягся при подлете к аэродрому улыбчивый капитан, Максим понял, что ВПП здесь не предназначена для военно-транспортных самолетов. Мастерство пилота он оценил, когда вышел из чрева самолета: тот стоял метрах в пятидесяти от конца полосы.

Все пассажиры выгрузились на бетонную полосу. Стали обзирать местность, прилегающую к аэродрому. Пейзаж не радовал: пески, камни, сухой кустарник. Вся местность окрашена в желто-коричневые тона. И если бы не яркое солнце, то картину можно было бы назвать мрачноватой. На горизонте виднелись две вышки с часовыми.

– Всем находиться на месте, сейчас вам подадут автобус, – объявил улыбчивый капитан-стюард.

Максим поставил свою сумку на край бетонной полосы, отошел от толпы пассажиров, подошел к аппарели, покрутил бедрами, как это делают на подиуме стриптизерши. Опершись рукой на край аппарели, слегка подпрыгнул, опустился вниз на продольный шпагат. Сделал несколько наклонов вперед, затем встал. После несложной гимнастики появилась обычная гибкость в теле.

Обернулся назад. Никто не обратил внимания на его своеобразную разминку, только немка восторженно покачала головой и подняла вверх большой палец. На горизонте со стороны терминала показались два автобуса и маленькая «Тойота». За рулем автомобиля сидел Дорофеев. «Черт, – подумал Максим, – сразу же выделяюсь из общей массы». Дорофеев вышел из машины. Он был в летней военной форме песочного цвета, с двумя звездами на погонах. Несмотря на затрапезный вид, выглядел коллега, как всегда, импозантно. Высокий, широкоплечий, с серебряной хемингуэевской бородкой.

– Макс, привет, – крепкое мужское пожатие, сердечное объятие с похлопыванием по плечу, – как долетели?

– Нормально. Слушай, Слава, давай захватим единственную женщину до жилого городка?

– Без проблем. – Дорофеев обратил внимание на молодую журналистку с двумя большими сумками.

– Ингрид, поехали с нами, довезем до городка, – предложил Максим по-английски, указав на машину.

Девушка не ломалась и, плюнув на профессиональную солидарность, воспользовалась предоставившейся оказией.

Дорофеев остановил машину перед двухэтажным зданием с краткой, но емкой вывеской «Штаб». Мужчины вышли из машины. Навстречу им из здания вышел человек в летней форме песочного цвета с погонями полковника.

– Марат Рафаилович, принимайте представителей прессы: Ингрид из Германии, а это мой сменщик, Иконников Максим Михайлович.

– Мухаметдинов. – Рука мужчины оказалась тяжелой. – И куда мне ее? – Комбриг выглядел слегка растерянным.

– Вместе со всеми, в гостиницу, там уже должно быть все приготовлено.

Ингрид вышла из машины. Она поприветствовала комбрига, поздоровавшись с ним за руку, назвалась Ингрид, коротко по-русски обозначив свой статус: «Я есть журналист, «Дойче велле». Затем вопросительно посмотрела на Максима.

– Ингрид, это главный командир, он сейчас разместит вас и ваших коллег. А я поеду с моим товарищем к себе. Увидимся. – Все это Максим сказал на английском, изобразив протокольную улыбку.

– Надеюсь... – Ингрид загадочно посмотрела на него.

– Поехали, Макс. – Дорофеев потянул Максима в машину. Оглянувшись, бросил комбригу: – Марат, мы заедем к тебе после обеда.

Военный городок в Латакии поражал чистотой и безликостью. Он представлял собой несколько длинных рядов белых жилых модулей.

Максим зашел вслед за Дорофеевым в жилой модуль. Несмотря на то что снаружи домик казался небольшим, внутри он был достаточно просторным: прихожая, комната «квадратов» на тринадцать, видимо гостиная, спальня, кухонька, санузел с душем. Не роскошно, но комфортно.

– Все живут в таких? – поинтересовался Максим.

– Да, все офицеры. Старшие офицеры по два человека, рангом пониже – поплотнее. От армейских палаток с раскладушками, слава богу, ушли. Питьева вода привозная. Душ только вечером. Кондиционер, вон видишь, в углу, есть везде, но работает редко: с электроэнергией проблемы. Располагайся, Макс...

– Как кормежка?

– Нормально, только курицы с рисом я наелся на несколько лет вперед.

Максим достал из сумки бутылку коньяка, поставил ее на стол.

– С этим как тут?

– С этим строго. Начальство блюдет. Да и потом... во-первых, нет, во-вторых, сам не будешь: жара. – Дорофеев достал из холодильника бутылку питьевой воды, вазу с фруктами. – Ну что, за встречу!

Друзья сели за стол. После расспросов о Москве, об общих знакомых разговор плавно перешел на служебные дела.

– Макс, я не буду выходить за рамки нашей профессиональной этики и расспрашивать тебя о твоём задании. – Дорофеев аккуратно отделил мякоть апельсина от золотистой кожуры. – Но, исходя из сложившейся обстановки и зная твой уровень, а ты всегда считался у нас лучшим агентуристом, я могу с уверенностью предположить, зачем тебя сюда прислали.

Коллега пристально посмотрел на товарища. Тот только прикрыл глаза и слегка кивнул головой.

– Кое-какие наводки на первое время я тебе дам. Но сразу предупреждаю: никогда никому не верь на сто процентов. Да что мне тебе объяснять, менталитет арабов ты знаешь не хуже меня. Сегодня он твой друг, а завтра – уже в зависимости от обстоятельств: от соучастника до врага. И наоборот.

– Как резидентура в Дамаске? Есть контакты?

– На нее не надейся. – Дорофеев вяло махнул рукой. – Одностороннее движение: от нас требуют всю информацию, а от них помощи никакой.

– Как с местным руководством?

– Комбриг нормальный. По должности, конечно, немного солдафон, но вполне адекватный и вменяемый. С ним у тебя стыковка будет. А вот Каретников...

– У него здесь какие функции?

– Представительские и координационные. Сидит в штабе, никуда не ездит, отдает всем приказы и сочиняет инструкции по правилам поведения в местном городке. Остановил тут как-то одного лейтенанта, техника по обслуживанию самолетов: «Почему верхняя пуговица на комбинезоне не застегнута?» А жара тридцать пять. Не поленился, написал на него «телегу» командиру отряда с требованием наказать. Лезет в нашу оперативную работу, но тут я его посылал просто: «Согласуйте с моим руководством». Кстати, он все знает о нашем тайнике с деньгами.

– Почему?

– По инструкции. О тайнике должно знать два человека.

– А зачем он вообще сюда приехал? Он же по образованию логист.

– Макс, – усмехнулся Дорофеев, – ну зачем паркетные полковники приезжают в горячие точки? Чтобы получить генерала. Ладно, давай еще по тридцать грамм и пойдем обедать.

Глава 2

Максим сидел за обеденным столом и составлял зашифрованное донесение в Центр. Это был его первый доклад руководству, поэтому он составлял его особенно тщательно, взвешивая каждое слово. Собственно, информации немного, и она не такая уж важная: как идет процесс разминирования в Пальмире, обстановка на освобожденных территориях, дислокация группировок, которые заявили, что будут поддерживать режим перемирия с официальным Дамаском. Но, во-первых, он знает, что и такая второстепенная информация нужна Центру хотя бы для подтверждения данных, поступающих из других источников; во-вторых, надо напоминать о себе начальству, которое может подумать: две недели сидит там целый подполковник, и ничего от него нет. А чем он там занимается?

Максим перечитал текст шифротелеграммы. Все кратко, сухо, точно. Никакой двусмысленности. Документ и должен быть таким. Встал из-за стола, походил по комнате, морща и потирая лоб. Недавно получил информацию о том, что в Сирию начинает просачиваться «Аль-Каида». Информация суперважная, но... непроверенная. Коллеги из военной контрразведки тоже от кого-то слышали, но гарантии ее достоверности не дают. Нет, не буду, решил Максим, через пару недель все равно нарою что-нибудь. А дезу посылать нельзя! Лучше ничего не посылать, чем дезинформировать руководство.

За окном послышался шум подъехавшего автомобиля. Выглянул в окно – комбриг.

– Разрешите. – Плотная фигура комбрига рельефно обозначилась в проеме двери.

– Заходи, Марат Рафаилович, присаживайся. – Максим подставил второй стул к столу. – Мне как раз нужна твоя консультация.

– Хорошо, – усмехнулся комбриг, – разведчиков мне еще не приходилось консультировать.

– Посмотри, пожалуйста, эту шифровку. Главным образом по оппозиционным группировкам. Все ли правильно я указал? – Максим пододвинул армейскому полковнику текст шифровки.

– Все правильно, за исключением Саладдина. Этот абрек не собирается заключать с нами перемирие и вообще уехал из нашего района. И потом, насколько мне известно, он уже давно ведет переговоры с «Джебхад ан-Нусрой».

– Ты точно в этом уверен?

– Абсолютно.

– Ладно, спасибо за подсказку, сейчас исправлю.

Максим зачеркнул одну фразу в тексте, на полях написал «исправленному верить», заверил эту фразу подписью. Стал еще раз внимательно перечитывать.

Комбриг, ожидая, когда военный советник закончит правку документа, от нечего делать взял книгу «Анналы» Тацита, лежащую на столе, открыл на закладке.

«...бой длится уже полчаса. Максимус чувствует, как постепенно тают силы. Пот заливает лицо, левое плечо, задетое трезубцем, кровоточит. Из-за этого все труднее удерживать щит в левой руке. Однако бросать его ни в коем случае нельзя, иначе эфиоп сразу же проткнет его трезубцем на длинном шесте. Саадит тоже устал: передвигается медленно, движения экономные, рассчитанные только на точный поражающий удар. Максимусу удалось лишить противника его страшного оружия – сети с грузилами. Теперь они в равных условиях: у Максимуса щит и меч, у Саадита – только трезубец.

Негр поставил левую ступню вперед, опершись на нее всем корпусом. Глаза – узкие щелки, челюсти сжаты. Сейчас пойдет в атаку, понял Максимус.

– *Максимум, сдавайся, – предлагает вдруг Саадит, – ты же такая знаменитость, толпа тебя пощадит.*

– *Саадит, не будь глупцом. Сценарий написан не нами, и мы не можем его изменить. Кто-то из нас должен сейчас умереть.*

– *Ну, тогда держись! – Жутковатый огонь полыхнул в глазах негра.*

Он вдруг подпрыгнул пантерой, сразу сократив расстояние между собой и противником. Резкий и мощный удар трезубцем в скутум Максимуса. Тот вовремя поставил щит так, что острый трезубец отскочил в сторону, не задев гладиатора. Но Саадит неожиданно делает резкий разворот корпусом влево и тупым концом трезубца бьет по голове противника. Максимум успевает присесть, конец шеста пролетает над его головой, черкнув по макушке. Перед Максимумом открывается шоколадная голая спина негра. Меч гладиатора мгновенно взлетает и со свистом, рассекая воздух, опускается на ретиария. На его спине проступает красная полоса. Негр охает, но, опершись на конец трезубца, все же отскакивает в сторону от меча противника. Поворачивается к Максимуму, дышит тяжело, лицо передернуто судорогой боли, но он вновь встает в боевую стойку. Да, хороший боец, оценивает Максимум маневр противника. Он внимательно смотрит ему в лицо, качает головой из стороны в сторону.

– *Давай, не тяни! – обреченно кричит ему Саадит.*

Они оба знают исход боя...»

– Ну вот, теперь можно посылать, – удовлетворенно сообщил Максим.

– Ага. – Комбриг отрывается от чтения, закрывает книгу, смотрит на обложку. – Тацит, это что за писатель? Я что-то не слышал.

– Писатель и историк Древнего Рима.

– А-а... Историей увлекаетесь?

– Ну, скажем так, выборочно. Здесь описана интересная методика обучения рукопашному бою.

– Поехали, Максим Михайлович. Но перед тем, как ехать в шифротдел, надо сначала зайти к Каретникову.

– Зачем? – Максим вскинул на комбрига удивленный взгляд.

– Ему надо показать шифровку. Ни одна шифротелеграмма без его подписи не посылается.

– Но это не его ведомство. Я не обязан, да и не имею права показывать ему свои донесения.

– Ну, таков здесь порядок, – комбриг дернул плечами и обескураженно развел руки в стороны, – давайте сначала зайдем к нему, и вы сами ему все объясните.

– Хорошо, зайдем. Только все это как-то странновато. – Максим засунул шифровку в черную папку, надел маскировочную куртку.

Каретников сидел в своем кабинете и играл на компьютере в преферанс. Это был массивный мужчина с набрякшими мешками под глазами. На вошедших к нему комбрига и разведчика он посмотрел таким взглядом, каким смотрит чиновник на докучливого посетителя, пришедшего за пять минут до окончания рабочего дня.

– Добрый день, Вениамин Игоревич, – ровным голосом поприветствовал Максим штабиста. – Я периодически буду посылать шифровки через наш шифротдел. Чтоб вы были в курсе...

– Только через мой стол.

– Но, товарищ полковник, вы не допущены к этим документам...

– Послушай, – Каретников подался вперед, опершись грудью на край стола и обхватив его за края, бычьим взглядом посмотрел на разведчика, – я здесь ко всему допущен.

– Хорошо, если мое руководство даст мне разрешение, я не против.

– Здесь я руководство!

Максим не стал спорить с генштабистом, быстро набрал по своему спутниковому телефону номер Плешкунова. Только бы он сейчас ответил, мелькнуло в голове.

– Слушаю, Максимус. – Начальник глуховатым голосом назвал его условным позывным.

– Ростислав Аверьянович, небольшой технический вопрос. Тут товарищ полковник... – небольшая, но значительная пауза, – просит на правку мои документы...

В трубке продолжительная пауза. Максим хотел продолжить фразу, подумав, что Плешкунов не понял его. Но тот спросил металлическим голосом:

– Он далеко?

– Здесь, рядом.

– Дай-ка ему трубку.

Максим протянул Каретникову телефон:

– Генерал Плешкунов.

– Здравия желаю, товарищ генерал. – Каретников выпрыгнул из-за стола.

Он стоял, вперив взгляд в монитор компьютера, и напряженно слушал высокого начальника из другого ведомства. Максим не слышал, что ему говорил Плешкунов, но, судя по кислому выражению лица штабиста, понимал, что не очень приятные вещи. Последнюю фразу Плешкунова Максим все же услышал:

– Вы меня поняли, товарищ полковник?

– Так точно, товарищ генерал! – пришибленным голосом отрапортовал Каретников.

Затем он кивнул головой и передал телефон военному советнику:

– Вас.

– Слушаю, Ростислав Аверьянович.

– Больше нет *технических вопросов*?

– Нет.

– До связи. – Плешкунов отключился от линии.

Максим положил телефон в карман, посмотрел на Каретникова.

– Посылайте, – буркнул тот, не глядя на разведчика, и, тяжело опустившись на стул, начал деловито стучать по клавиатуре компьютера.

Комбриг вышел из кабинета Каретникова вместе с Максимом. Он сочувственно посмотрел на разведчика, крикнул, помотал головой, но ничего не сказал.

Глава 3

Серая пыль летит на лобовое стекло, поэтому Максим периодически «дворником» его протирает. Впереди едет армейский БТР сопровождения. Перед началом поездки Максим предложил комбригу ехать на «Тойоте» впереди, но Мухаметдинов отклонил предложение: «Нет, Максим Михайлович. Не будем нарушать неписанные правила. Береженного Бог бережет».

Они едут в Хаму, небольшой городишко на юго-востоке страны, где будет подписание с представителями военной оппозиции договоров о перемирии. На коленях у комбрига лежит автомат, он периодически внимательно осматривает местность по сторонам дороги и рассказывает Максиму о быте его подчиненных.

– Я поражаюсь, как мои обормоты находят общий язык с местными. Такое впечатление, что языкового барьера у них нет. Числительные от одного до десяти знает практически каждый солдат. Наши не знают арабского, те ни бельмеса по-русски, но «чейндж» идет как по маслу.

– А что сирийцы выменивают у наших? – поинтересовался Максим.

– Консервы. Сгущенку, тушенку, почему-то очень любят наши галеты...

– А какую тушенку предпочитают?

– Любую, в том числе и свиную. Вообще, я заметил, сирийцы не похожи на упертых мусульман. Чем-то похожи на моих соплеменников, татар. И винцо попивают, стараются, правда, не рекламировать этот грех...

Выехали на асфальтированную дорогу, поехали быстрее.

– Ага, вон уже Мухрада, осталось километров восемьдесят, – довольно проинформировал комбриг. – Я, если честно, на этот чейндж смотрю сквозь пальцы. Ребятишки здесь по полгода, питание нормальное, но витаминов-то не хватает. Каретников только стучит по столу кулаком: «Прекратить коммерцию! Под суд пойдете!» А какая тут коммерция? Если они свои пайки часто бесплатно отдают местным ребятишкам.

– Марат Рафаилович, – Максим покосился на комбрига, – у меня к вам небольшая просьба. Сегодня в Хаму приедет Мустафа. Мне надо бы с ним побеседовать. Поможете мне организовать встречу?

– Без проблем. Мы даже знакомы немного. Я понял так, встреча будет конспиративная?

– Ну, стопроцентную конспирацию вряд ли удастся обеспечить. Главное, чтобы нам никто не мешал.

– Организуем.

БТР впереди замедлил движение, Максим тоже перешел на пониженную передачу. Въехали в сирийский поселок Мухраду. Комбриг связался по рации с экипажем БТРа, дал указание, как проехать поселок. Замолк, напрягся, внимательно всматриваясь в дорогу впереди. Мухрада контролируется правительственными войсками, но обстановка здесь часто меняется.

Максим тоже молчит, осторожно проезжая по узким улицам поселка. Он сам вызвался в эту поездку, чтобы помочь нашим командирам на важном мероприятии, хотя никакой необходимости в этом нет. Главная цель этой поездки – Мустафа.

Мухаметдин Мустафа – сириец, 48 лет, суннит, из семьи обеспеченного бизнесмена. В конце восьмидесятых – начале девяностых учился в Москве. К бывшему СССР был настроен лояльно. Владеет несколькими европейскими языками. Был репрессирован сегодняшним правительством Башара Асада, находится в оппозиции к его режиму. Возглавляет крупную группировку, около двухсот боевиков, на востоке страны. Симпатизирует Аятолле Хомейни. Сын проживает в Германии. Любит дорогие автомобили, превосходный шахматист...

Максим еще раз прокрутил досье будущего собеседника, которое вчера получил из Центра. Привычка – важную и секретную информацию держать в голове – выработана с годами.

Это особенность профессионального разведчика и его проклятие. Такая информация запоминается на долгие годы и, как правило, не стирается, даже если и хочешь удалить ее из памяти.

В Хаму приехали, когда солнце приближалось к зениту. Наши военные на совместном с сирийцами КПП показали, как проехать к главному зданию в городе.

На площади перед зданием стояло несколько транспортных средств, преобладали БТРы и открытые джипы.

– Максим Михайлович, вы пока посидите, я пойду выясню обстановку. – Комбриг вылез из машины, быстро вошел внутрь здания.

Максим тоже вышел из машины, огляделся. Типичный восточный город: базарная площадь, узкие улочки, вдали виднеется минарет. Многие дома разрушены. Прошел на базарчик. У смуглого подростка купил финики.

– Тут были бои? – спросил он на арабском юного продавца.

– Да, мы целый месяц сидели в погребке, – сообщил подросток и удивленно уставился на покупателя. Видимо, он так и не понял, что это за покупатель, который свободно говорит на его родном языке.

– Он уже подъехал. Комнату я вам организовал, – сообщил подошедший комбриг, – сказал, что после подписания может с вами поговорить, но недолго – минут пять. Там у него в Аазазе какая-то терка с другой группировкой.

– Пять минут мне не хватит, – огорченно покачал головой Максим, наморщил лоб, потер его подушечками пальцев, затем вскинул взгляд на комбрига: – Марат Рафаилович, вы можете мне достать шахматы, прямо сейчас?

– Какие шахматы? – Комбриг в недоумении уставился на Максима.

– Да любые.

– Попробовать можно, здесь рядом стоит моя рота охраны.

– Достаньте мне шахматы! Скажите, корзинка мандаринов с меня. И покажите мне машину Мустафы.

– Хорошо. Иващенко, – зычно крикнул комбриг водителю БТРа, – заводи, едем в роту! Пойдемте, покажу его джип, – сказал комбриг Максиму, – он здесь, за углом.

После того как комбриг отъехал, Максим открыл багажник своей «Тойоты», в ящике с инструментами нашел гвоздь, взял молоток, пошел к джипу Мустафы. Водитель джипа, бородастый абрек, спал, запрокинув на сиденье голову, храпел.

«М-да, – покачал головой Максим, – сторож профессиональный».

Он подкрался к машине сзади, достал из кармана гвоздь и одним движением молотка вбил его в протектор по самую шляпку. Прислушался. Ничего не произошло – водитель храпел, только пробитое колесо тихо шипело, выпуская воздух.

Диверсия сыграла свою роль. Разгневанный босс отчитал своего водителя и вынужден был задержаться на время, пока не найдут и не установят на джип новое колесо. Комбриг их познакомил, представив Максима как ответственного секретаря российского Центра по примирению.

Мустафа имел европейский тип лица, черные как смоль волосы и аристократически белую кожу, что для жителя Африки выглядело экстравагантно.

Расположились в комнате, которую специально подобрал комбриг. По коридорам здания ходили наши военные, правительственные чиновники из Дамаска и представители Мухабарата².

Максим предложил дверь в комнату оставить открытой, самим сесть за шахматную доску и, пока ищут и устанавливают на джип новое колесо, сыграть пару партий.

² Служба безопасности Сирии.

Полевой командир подозрительно посмотрел на странного русского, затем усмехнулся и стал расставлять фигуры.

– На каком языке будем говорить, Мустафа? – спросил Максим боевика по-арабски.

– А нам есть, о чем говорить?

– Раз ты сюда приехал, значит, есть. Так на каком – арабском, английском, русском?

– Лучше на английском. – Бандит покосился в сторону дверного проема.

– Мустафа, не буду играть в прятки. Я – сотрудник российской военной разведки, мне нужна твоя помощь. – Максим сделал первый ход королевской пешкой.

– Я слушаю. – Мустафа сделал ответный ход. Лицо араба было непроницаемо.

– Мы сейчас по разные стороны баррикады. Но на баррикаде образовалась брешь и вывешен белый флаг. Что будем делать? Говорить под этим флагом или снова возводить баррикаду?

– Баррикаду не мы строили, а ваша марионетка Асад. – Мустафа сверкнул взглядом.

– Речь сейчас не о нем. А о будущем твоей страны. Ты же видишь: страна в руинах, тысячи убитых. Молодежь либо бежит из страны, либо воюет...

– А внешние шакалы добивают: турки, ИГИЛ, саудиты, американцы, а теперь еще и вы...

– Не надо нас сравнивать с *этими*, – жестко ответил Максим, – ты же знаешь, наши страны всегда были друзьями. Вспомни, сколько всего мы вам построили. Назови хоть один факт, говорящий о недружественном отношении к твоей стране.

Мустафа исподлобья бросил взгляд на Максима, засопел, но ничего не сказал. Несколько минут играли молча.

– Что тебе надо? – глухо спросил Мустафа.

– Информацию о дислокации частей ИГИЛ, а еще лучше планы их командиров.

– А мне что от этого?

– Информация о твоих конкурентах. Кроме того, мы можем помочь твоему сыну в Германии. У него ведь появились небольшие проблемы в бизнесе?

Мустафа выразительно посмотрел на собеседника, затем снова уткнулся в доску:

– Тебе шах!

Несколько минут опять играли молча. Максим понял, что попал в ахиллесову пяту собеседника. Надо развивать успех.

– Пойми, Мустафа: у тебя только два варианта. Либо ты остаешься нашим противником, но тогда тебя уничтожат. Не важно кто: ИГИЛ, турки или америкосы. Либо ты наш союзник, и тогда повышаются твои шансы остаться в игре и даже выиграть. Подумай.

– Тебе мат! – объявил Мустафа, и впервые на его суровом лице блеснуло подобие улыбки. Он встал и тихо сообщил: – Я подумаю.

– Тебе нужны мои координаты?

– Не надо. Мои люди сами на тебя выйдут, если я сочту нужным.

Максим протянул бандиту руку. Тот задумчиво посмотрел на нее, затем пожал, но необычным способом: схватил ладонью локоть русского. Максим тоже схватил араба за локоть. «Странно, – мелькнуло в голове Максима, – откуда он знает приветствие гладиаторов?»

Несколько секунд они внимательно смотрели друг другу в глаза.

– Я надеюсь, на поле своей страны ты будешь играть так же хорошо, как на шахматном поле, – произнес Максим.

Мустафа едва заметно кивнул и быстро вышел из помещения.

Глава 4

На встречу с журналистами Максим приехал в точно назначенное время – еще одна неистребимая привычка разведчика. Пресс-центр группировки российских войск находился в Латакии, недалеко от морского порта. Территория пресс-центра огорожена забором с колючей проволокой. На въезде документы Максима проверил «вздэвэшник», двухметровый верзила с автоматом.

Максима пригласил сюда Алексей Вахромеев, корреспондент «Красной звезды», с которым он познакомился в Москве перед поездкой. Официальный повод для встречи – уточнить некоторые данные для отсылки информации своему издательству. Была и замануха: «Планируются пельмени с водкой».

Журналист не обманул. Как только он вошел в большую рабочую комнату пресс-центра, увидел на столе огромную чашу с пельменями, от которых еще исходил пар. И фрукты.

– Откуда пельмени? – удивленно воскликнул гость, у которого от такого натюрморта началось слюноотделение.

– Сами делали, – Алексей поздоровался с Максимом за руку, – присаживайся. Свинины не достали, купили баранину. Знакомить ни с кем не надо?

– Нет, всем привет, – сказал Максим, уселся на предложенный стул, поставил на стол бутылку коньяка, захваченную из своего НЗ.

За столом кроме корреспондента «Красной звезды» сидели журналисты, с которыми он вместе летел в Сирию: подтянутый Эльдар с российского канала, черноволосый балагур Павел с НТВ, массивный Яков с «Раша тудей». К удивлению Максима, в центре компании сидела Ингрид. Выглядела она эффектно: короткая, тщательно уложенная прическа, удачный макияж. Одета в желтую в полоску майку, в короткой юбочке, которая скорее пристала бы старшекласснице лица, чем журналистке солидного СМИ. Увидев Максима, она радостно ему улыбнулась, бросила: «Хай!» и небрежно подняла ладонь, видимо, для того, чтобы продемонстрировать коллегам тот факт, что с Максимом она давно на короткой ноге.

За неимением рюмок и стопок, водку разлили в чайные чашки.

– Ну что, господа товарищи, – Яков приподнял свою чашку, обвел всех торжественным взглядом, – за успех российского оружия!

Мужчины тихо, слаженным хором выдохнули: «Ура! Ура! Ура!» Ингрид выпила вместе со всеми. Разговор, который, видимо, прервало появление Максима, пошел о журналистских делах: кто где был, кто что издает, почему московская акула пера ушла из центрального издательства.

Максим и Ингрид участия в разговоре не принимали, методично поглощая национальное блюдо. Девушка периодически стреляла в Максима глазками, которые после выпитой водки стали заметно блестеть.

– Макс, готовься, она тебя сегодня будет вербовать, – прошептал на ухо разведчику Алексей, сидевший рядом с ним.

– Метод вербовки? – тихо поинтересовался Максим.

– О-о-о! – значительно простонал журналист и зажмурил глаза. – Точно не знаю, но могу предположить, что приятный.

– Цель вербовки?

– Будет добиваться твоего содействия в допуске ее на закрытый брифинг, который в Хмеймиме организует для нас представитель ВКС.

– Я знаю об этом брифинге, но почему он закрытый?

– Там будет ориентирующая информация о главных целях наших ВКС и предстоящей стратегии в этой кампании. То есть информация вроде бы и не секретная, но и не для печати. Нас предупредили, что никаких записей делать там нельзя.

– Понятно. А чем я могу помочь? Я же не начальник пресс-центра.

– Список журналистов на этот брифинг утверждает Каретников. А он, кажется, твой друг.

– Ну, да... *друг*, – усмехнулся Максим.

– Максим Михайлович, – обратился к нему после второй «рюмки» толстый Яков, – у нас к вам вопрос как к специалисту. Чем отличается эта военная кампания от нашей афганской войны?

– Ну и вопросыки у вас! – Максим удивленно покачал головой.

– Согласен. Вопрос тяжелый, как двухпудовая гиря. У нас здесь недавно возник спор. Один наш коллега, не буду называть его имени, утверждает, что эта война – судорожная попытка России вернуть себе статус супердержавы. А вы как считаете?

– Если не залезать в геополитические дебри, то ответ лежит на поверхности, и вы его знаете: наша военно-морская база «Тартус» – раз, стремление сохранить на Ближнем Востоке нашего единственного союзника – два, и отодвинуть ИГИЛ от наших границ – три.

– По-другому сформулирую вопрос: в этой войне мы ставим себе задачу вернуть себе наши прежние позиции на Ближнем Востоке?

– Мы ставим себе, прежде всего, цель обеспечить безопасность наших границ. А какие будут дальше задачи? Это, извини, Яков, уже не мой уровень.

– Все, все, Яков, пошли покурим. – Алексей потянул напористого журналиста в курилку.

Все остальные мужчины тоже пошли затянуться. Ингрид и Максим остались в комнате вдвоем.

– А вы не курите? – спросила Ингрид.

– Нет, – ответил Максим, – а вы?

– Изредка. Балуюсь. У меня к вам просьба, Максим. Хочу съездить на базарчик, чтобы купить из одежды для жары.

– То есть вам нужен переводчик.

– Ну да. Нет, конечно, только если у вас есть время и это вас сильно не затруднит.

– Не затруднит. Но если ехать, то сейчас. Потому что если останемся здесь еще на некоторое время, то нас могут заставить выпивать, а это будет лишнее.

– Хорошо, поехали. – Ингрид встала.

Максим тоже поднялся. Вошел Алексей:

– Уходите?

– Да, довезу Ингрид до базара, а потом поеду к себе. Работы много.

– Ну-ну... – ухмыльнулся Алексей и добавил заговорщицким тоном: – Не подкачай, старик. Ни пуха ни пера.

– Пошел ты к черту, Леша! – огрызнулся Максим.

Народу на городском базаре было немного. Максим и Ингрид подошли к первому павильону. Но когда Ингрид стала выбирать себе летнюю майку и платок, их окружили молодые мужчины и подростки, которые бесцеремонно пялились на Ингрид.

– Что они на меня так смотрят? – возмущенно спросила девушка.

– Ты одета слишком вызывающе, – пояснил Максим.

– Мне что же, в хиджаб нарядиться?

– Это не обязательно. Просто твои голые коленки шокируют местных мужчин. В Иране тебя бы давно забросали камнями. Причем женщины.

– Ужас какой! – выдохнула Ингрид. – Поехали быстрее.

Когда Максим подвез Ингрид обратно к пресс-центру, она не торопилась выходить из машины.

– У тебя есть что-нибудь попить? – спросила девушка, вытирая пот с лица салфеткой.

– Здесь ничего нет.

– А где есть? Жара ужасная, а потом эти мужики, – Ингрид хохотнула, – я думала, они меня съедят глазами. – Она вдруг положила свою ногу на колено Максиму.

– Ингрид, ты не настолько пьяна, чтобы демонстрировать развязность легкомысленной девушки. – Максим осторожно снял с колена девичью ногу. – Если тебе нужна моя протекция в отношении брифинга, то можно обойтись и без двусмысленных намеков.

– Алексей разболтал?

– Не разболтал, а проинформировал.

– Ладно, так ты мне поможешь? – Ингрид придвинулась ближе, буквально прожигая его взглядом зеленых глаз.

– Стопроцентно не обещаю. Попробую.

– Мне надо попасть на этот брифинг.

– Я сказал: попробую.

– Спасибо.

– Пока не за что.

– Поцеловать-то тебя можно?

– Можно, только осторожно.

Девушка вдруг прижалась упругой грудью к плечу Максима, повернула его голову к себе и жадно поцеловала.

– Бай-бай, – выскочила из машины.

– Черт, – тихо выругался Максим, – Джеймс Бонд хренов! Хорошо, что сейчас нет парткомов.

Глава 5

В кабинете Каретникова кроме него сидели четыре человека: комбриг, его командир роты, высокий старший лейтенант с льняными волосами, Максим и начальник особого отдела бригады, массивный тридцатипятилетний майор с тяжелым взглядом.

Обсуждался дежурный вопрос – охранное сопровождение группы журналистов, едущих на брифинг в Хмеймим.

– Дорога, что называется, накатана, товарищ полковник, – объяснял комбриг Каретникову маршрут движения колонны, водя авторучкой по карте, – связь налажена, здесь и здесь находятся наши блокпосты...

– Каковы силы сопровождения? – спросил Максим.

– Два БТРа, ползвода автоматчиков, старший колонны старший лейтенант Елисеев, – комбриг кивнул на командира роты, – он не раз здесь ездил.

– Вертолетное сопровождение предусмотрено?

– Н-нет, – комбриг помотал головой, затем растерянно покосился на Каретникова.

– Двух БТРов недостаточно, нужны еще два вертолета для сопровождения.

– Но у меня их завтра не будет.

– Завтра мне надо лететь в Дамаск, – сообщил Каретников.

– Товарищ полковник, без вертолетного сопровождения эта поездка очень рискованна.

– А ты что, подполковник, трусил? – Каретников скривился в презрительной усмешке.

– Послушайте, – Максим сжал челюсти, на его скулах заиграли желваки, – я могу рисковать своей жизнью, но не имею права рисковать жизнью других людей, тем более гражданских.

– У меня дела поважнее, чем у ваших журналюг, – набычился генштабист. – Старший колонны – старший лейтенант Елисеев, ответственный за мероприятие – подполковник Иконников. Все, вопрос решен. Свободны! – Каретников закрыл рабочую тетрадь, собираясь встать из-за стола.

– Еще один вопрос, товарищ полковник, – Максим остановил Каретникова взглядом, – наши журналисты просят включить в их группу на брифинг корреспондента «Дойче велле» Шультц Ингрид. Вот ее документы, аккредитация у нее есть. Я поддерживаю их ходатайство.

– А как она вообще здесь оказалась? – удивился Каретников.

– По обмену с нашим МИДом. Они допустили нашего журналиста на заседания Бундестага, так у них называется парламент, а мы в ответ дали им допуск на посещение наших частей в Сирии.

– Хм, – Каретников насупил брови, несколько секунд помолчал, потом повернулся к комбригу, – как ты считаешь, Марат Рафаилович?

– Я думаю, можно, – осторожно произнес комбриг, – мы сейчас демонстрируем открытость перед Западом. А потом там будет общая информация. Главное, чтобы они там, у себя, ее не исказили...

– Хорошо, я не против. – Каретников на удивление быстро согласился.

– Тогда подпишите, товарищ полковник, я немку внес в наш список.

– Давай, – Каретников подмахнул документ, – под твою ответственность, подполковник.

Все отъезжающие собрались перед воротами пресс-центра. Журналистская братия была настроена весело: шутили, смеялись, рассказывали анекдоты. Максим стоял рядом, сосредоточенно всматриваясь в линию горизонта, откуда должны были приехать армейские БТРы.

– Максим, вы всегда такой серьезный? – К разведчику подошла Ингрид. Девушка была одета в джинсовый костюм, на голове платок, оставляющий открытым только миловидное лицо.

– Нет, только перед дальней дорогой, – улыбнулся Максим.

- А я люблю дороги. Мне, наверное, надо было родиться цыганкой.
- Я тоже люблю путешествовать, но иногда дороги выматывают.
- Что, много приходится ездить?
- Да, приходится.
- Максим, Ингрид, – позвал их Яков, – идите к нам фотографироваться.
- Я не люблю фотографироваться, Яков, – отмахнулся Максим, – не фотогеничен.
- Ну, я бы так не сказала, – усмехнулась Ингрид.
- Тогда присоединяйся к нам, Ингрид, а Максим пусть нас фоткнет. – Толстый Яков протянул Максиму свой «Никон».

Максим щелкнул журналистов, стоявших перед микроавтобусом «Мерседес». И тут услышал шум приближающихся БТРов.

– Товарищ подполковник, сопровождение прибыло. БТРы проверены, бойцы проинструктированы, можем ехать, – четко, по-военному доложил Елисеев Максиму, красиво отдав ему честь.

– Хорошо, только не козыряйте больше передо мной, старший лейтенант. Сейчас это не обязательно. Как обстановка в районе, где мы будем ехать?

– По последним данным, спокойная. В этом районе была банда Саладдина, но она вроде ушла на север.

– *Вроде*, – задумчиво произнес Максим, – значит, так, в колонне есть связь в УКВ-диапазоне?

– Естественно, товарищ подполковник...

– О любом непредвиденном ЧП сразу сообщать в бригаду и мне.

– По машинам! – командирским голосом крикнул комроты журналистам, которые безропотно подчинились.

– Максим, давайте сфотографируемся с вами на фоне БТРа.

– Зачем?

– На память. Не бойтесь, это фото останется только у меня. Я его нигде не буду помещать.

– Ну, хорошо.

Максим и Ингрид встали перед БТРом. Девушка вплотную прижалась к мужчине, обняла его левой рукой за плечи и склонила к нему голову. Вытянула руку, сделала селфи.

Дорога в Хмеймим была в сравнительно хорошем состоянии, поэтому ехали быстро. В салоне микроавтобуса царила та непринужденная обстановка, которая бывает, когда собираются близкие коллеги. Душой компании был, как обычно, балагур Яков. Рассказывал очередной анекдот.

– Приходит, значит, к редактору районной газеты внештатник. Дает свою статью. Редактор читает, вздыхает, удрученно качает головой:

– Иванов, ну опять то же самое. Вот вы пишете: «Тракторист Кузячкин два дня вспахивал колхозное поле. Ночевал там же, на поле. Доярка Аграфена Козодоева выполнила план на сто пятьдесят процентов...» Ну и что? Мелко, тускло, безлико. А где классовая борьба? Где трудовые подвиги? Нет, не пойдет. Переделать! Иванов забирает статью, приносит ее на следующий день в новом варианте. Редактор читает: «Тракторист Кузячкин в проливной дождь три дня без отдыха вспахивал целину. Закончив работу, вылез он на рассвете из трактора и упал на борозду. Сердце больше не билось.

Когда передовая доярка Аграфена Козодоева доила своих буренок, проникли в коровник злые вороги. Но не растерялась смелая доярка, взялась она за коромысло и раскидала всех врагов, убив при этом нечаянно одного».

«Ну, вот! – восторженно воскликнул редактор, – можете, когда захотите!»

Все мужчины весело рассмеялись.

– А вот еще. Недавно слышал. Приезжает американский журналист в Москву...

– Максим, – Ингрид, сидевшая рядом с ним, положила ладонь на запястье мужчины, – скажите, почему вы, русские, всегда так болезненно реагируете, когда страны Восточной Европы вступают в НАТО и когда на этих территориях проводятся натовские учения?

– Ингрид, у вас есть дача или бунгало?

– Есть. Под Дюссельдорфом небольшой коттедж.

– Рядом с вами есть соседи?

– Конечно.

– Вот представьте. Вы живете постоянно в этом коттедже, а ваши соседи вдруг начинают каждый месяц устраивать фейерверки вокруг вашего дома. Как вы себя будете чувствовать?

– Но силы НАТО не направлены против России...

– Подождите! – Максим вдруг поднял руку вверх.

Впереди раздался взрыв, микроавтобус так резко остановился, что Максим и Ингрид чуть не упали с сидений.

– Блин, стреляют! – удивленно воскликнул Яков.

Он резко открыл дверь машины с намерением поглядеть, что там творится.

– Нельзя, назад! – крикнул Максим.

Но было поздно. Через секунду Яков упал на пол салона. В его лбу виднелась маленькая дырочка, а в больших навывкате глазах застыло удивление.

– Всем на пол! – крикнул Максим, а сам, вжавшись в спинку сиденья, стал вынимать из-под мышечной кобуры пистолет.

– Что это? – испуганно спросила Ингрид.

– Засада. Прошу тебя, Ингрид, сиди тихо и никуда не высывайся.

Максим пригнулся, прыгнул из машины в кусты на обочине, перекатился, затих, огляделся. Первый БТР горел, шансов, что кто-то там остался жив, практически не было. Зато замыкающий БТР отстреливался. Судя по интенсивности автоматных очередей, отстреливались два или три бойца сопровождения. Слышались крики бандитов, одного из них Максим вскоре увидел на расстоянии тридцати метров. Подполковник раскинул пошире ноги, прицелился, поймал в прорезь мушки голову бандита, выстрелил. Тот упал.

Вдруг рядом с Максимом кто-то шлепнулся. Обернулся: Ингрид!

– Ты зачем сюда? – зашипел на нее Максим.

– Мне страшно.

– Тогда лежи и не двигайся!

Возле Максима засвистели пули. Раздался еще один взрыв, справа загорелся второй БТР. Автоматных выстрелов с той стороны больше не слышалось.

– Черт, – простонал Максим и уткнулся лицом в землю, – это конец.

– Максим, они нас убьют? – Девушка была на грани истерики.

– Успокойся, Ингрид, нас, мужчин, убьют, а тебя нет.

– Откуда вы знаете?

Максим ничего не ответил. Выстрелы прекратились.

Иконников приподнял голову. То, что он увидел, ввело его в состояние ступора. На пригорке стоял бородатый бандит, в руках он держал длинную зеленую трубу, один конец которой был направлен в их сторону.

«Вот и все», – мелькнула в голове тоскливая мысль. Он вдруг приподнялся и бросился на Ингрид, стараясь сильнее придавить ее к земле. Раздался оглушительный взрыв, яркая вспышка обожгла Максима сзади. Его приподняло с земли и бросило в черную бездну.

Глава 6

«...Максимус неистово бьет двумя мечами по щиту противника. Тот отступает. Грамотно, внимательно следя за каждым движением Максимуса, ожидая, когда тот допустит оплошность в атаке. Максимус делает подсечку по сгибу правой ноги Фламмы, противник теряет равновесие, но не падает, а только приседает и опускает щит. Его голова остается вдруг открытой. Меч в правой руке рассекает воздух, летя в горизонтальной плоскости в голову противника. Вот она, победа!

Но Фламма вдруг делает нырок, затем подпрыгивает, и Максимус оказывается перед ним стоящим сбоку. Однако для удара мечом у Фламмы позиция неудобная. Тогда гладиатор бьет Максимуса щитом в левой руке. Удар такой мощный и неожиданный, что Максимус летит на песок. В его глазах меркнет свет, в голове гул. Когда он открывает глаза, перед ним стоит Фламма, его меч упирается ему в горло. Максимус чувствует, как острие меча прищипливает его к земле, как по шее медленно струится его кровь. Рев трибун оглушает:

– Максимус, Максимус...»

– Максим, Максим. – Теперь свое имя он слышит наяву.

Он с трудом разлепляет веки, видит перед собой Ингрид. Она обтирает его лоб ладонью, ее лицо встревожено и кажется ему удивительно красивым. В голове гул и тупая боль, его тошнит.

– Где мы, что с нами? – Максим морщится от боли, приподнимается на локте, осматривается. Они находятся в полуподвальном помещении, он лежит на земле, солнечный свет проникает через узкое окно.

– Ну наконец-то! Ты так долго был без сознания. Как ты?

– Вполне сносно. Контузия...

– Нас взяли в плен. Все остальные погибли. Они взорвали наш микроавтобус.

– В каком районе мы находимся?

– Я не знаю. Нас долго везли на юго-восток.

– Понятно, в сторону Ракки. А кто нас взял в плен?

– Я не знаю. Они все такие страшные. Там, в последнем БТРе, были раненые солдаты. Они их добились. Попей воды. Они дали нам только воду.

Максим с помощью Ингрид долго пил воду из кувшина, потом опять лег на земляной пол. Тупо смотрел на глиняный потолок. «Вот и все, – мелькнуло в голове, – в самом начале командировки. Обидно».

Он потрогал карманы. Пусты. В потайном карманчике брюк остался только эллипсоидный жетон с номером военнослужащего. Конечно, они вытащили все документы, сейчас изучают и радуются. Взять в плен военного советника – это большая удача.

– Что с нами будет, Максим? – Девушка напряженно смотрит в лицо разведчика.

– Тебя выкупят. Ваши обычно выкупают своих граждан.

– А тебя?

– Ликвидируют.

– Почему?

– Я разведчик. Таких, как я, они очень не любят. Немножко попытают, а потом отрежут голову.

– Ужас! Но почему ты об этом говоришь так спокойно?

– Разведчик – это гладиатор. Он сам идет навстречу смерти и всегда должен быть к ней готов.

– Может, ты выдашь себя за журналиста?

– Нет, Ингрид, у них мои документы.

Снаружи щелкнул засов, дверь открылась. В проеме двери возникла мужская фигура.

– Ю! – мужчина поманил пальцем Максима. – Вставай, выходи.

Максим встал с трудом, голова кружилась, но ноги держали тело. Вышел на улицу. Солнце уже садилось, багровый закат заливал полнеба.

– Гоу. – Боевик ткнул его в спину дулом автомата. Пошатываясь, Максим пошел вперед, стараясь запомнить планировку улицы, по которой его вели. Навстречу шли два бородатых боевика.

– Куда ты его, Муслим? – спросили они провожающего Максима на арабском.

– Саладдин велел привести.

– А что вы его там не пристрелили?

– Какая-то важная птица.

Боевики прошли мимо, с интересом рассматривая пленного.

«Значит, Саладдин, – подумал Максим, – он действует в провинции Идлиб. А эти боевики поставили логичный вопрос в отношении меня. Почему они меня там, на дороге, не прикончили? Обмен? Нет, не похоже. Выкуп? Тоже маловероятно. Что-то другое». Подошли к городской площади, которая была, видимо, центром города.

– Сюда. – Провожающий толкнул Максима вправо. Вошли в дом, в большой прихожей двое боевиков играли в нарды. При появлении Максима они прервали игру, тоже посмотрели на пленного, проводили его взглядами, но уже злыми.

Максим остановился перед дверью. Провожающий робко открыл ее, заглянул в комнату:

– Я привел его.

Затем повернулся к Максиму, приказал:

– Проходи.

Иконников вошел в просторную комнату. У стены напротив двери сидел за достарханом Саладдин: сириец, мелкий мужчина лет пятидесяти, жиденькая бороденка, взгляд карих глубоко посаженных глаз колючий и неприятный. Рядом с ним стояли два моджахеда, молодые боевики, обвешанные оружием, насупленные и важные.

На достархане – жареная козлятина и баранина, лепешки, сыр, сухофрукты, виноград. Саладдин, когда Максим вошел в комнату, только скользнул по нему взглядом, взял со стола бутылку воды, налил полстакана, стал пить небольшими глотками. Понятно, подумал Максим, изображает из себя истинного мусульманина: пьет воду только после заката солнца.

Отпив воды, Саладдин поставил стакан на достархан, прилип к пленнику холодным взглядом. Спросил на плохом английском:

– Ваше имя, звание, зачем прибыли в мою страну?

– Зачем спрашиваете? У вас все мои документы, – ответил Максим.

– Отвечать! – злобно рыкнул Саладдин.

– Иконников Максим, подполковник, военспец.

– Зачем ехали в Хмеймим?

– На брифинг, организованный для наших и иностранных журналистов.

– Какой еще брифинг? – Саладдин подозрительно посмотрел на пленника.

«А, ну да, он же не знает значения этого слова», – догадался Максим.

– Рассказать всему миру о наших планах по восстановлению нормальной жизни в вашей стране.

– Лазутчик, – Саладдин прилип злобным взглядом к Максиму, – вы еще хуже американцев. Кто эта женщина?

– Корреспондентка «Дойче велле», это всемирно известный телеканал в Европе. Поэтому вы с ней поаккуратней...

– Лучше бы о себе подумал, – усмехнулся бандит. – Завтра решу, что с тобой делать. Увести!

Обратный путь был без приключений. На улице темнело, становилось прохладней. Когда Максим вернулся в темницу, Ингрид подбежала к нему, явно обрадованная:

– Ой, как хорошо! Я уже подумала, что вам отрезали...

– Что отрезали? – удивился Максим.

– Голову.

– Нет, не отрезали. Моя голова не проходит по их стандартам, и, кроме того, головы они отрезают обычно по утрам.

– О, майн гот, ваш черный юмор меня шокирует!

Неожиданно щелкнул засов на двери. Вошел мальчик лет двенадцати. Он бросил на земляной пол одеяло, положил на него несколько лепешек в полиэтиленовом мешке. Посмотрел на пленников с любопытством, ни слова не говоря, вышел. Снова щелкнул засов на двери.

– Это, конечно, не пять звезд, но... какой-никакой сервис, – покачал головой Максим.

Он расстелил на земле одеяло, пригласил Ингрид присесть и принять скудное угощение.

– Как мы будем спать? – прервала размышления Максима Ингрид.

– Можно по очереди. Полночи ты на одеяле, полночи я.

– Я предлагаю лучший способ: одеяло большое, поэтому ляжем вместе, спина к спине. Так теплее и целая ночь сна.

– Спина к спине – это оригинально, хотя больше подходит для другой ситуации.

Они улеглись, через несколько минут Ингрид уже спала. «Хорошая нервная система», – поразился Максим. Сам он долго ворочался и заснул только часа через два.

Глава 7

Сон был до омерзения жуткий. Максим держал в руках свою голову и недоумевал: как она могла оказаться у него в руках. «Я ведь жив, а голова отделена. Ее кто-то отрезал». А голова посмотрела на него и велела поставить ее на место. Максим ставил голову на шею, но она не вставала на положенное ей место и все время падала. Он ее подбирал и снова ставил и ставил...

Проснулся в холодном поту. Но осознание того, что это был сон, облегчения не принесло. Он лежал на спине, Ингрид лежала рядом, прижавшись к нему и подперев кулачками подбородок. Суровая реальность тяжелой глыбой снова навалилась на Иконникова. Может, сегодня мой последний день. Он сел на импровизированной постели, огляделся. Светало. Утренний свет проникал через узкое окошко, превращая подвальную черноту в серую хмарь.

Максим встал. Ингрид застонала во сне, свернулась калачиком. Он осторожно накрыл ее освободившейся половиной одеяла. Голова была еще тяжелая, но уже не гудела. Короткий сон принес облегчение. Сделал несколько дыхательных упражнений по системе хатха-йога. Мысли стали яснее.

Стал ходить взад-вперед по комнате-камере. Странно, рассуждал про себя Максим, значит, убивать меня они не намерены. Пока! Саладдин сказал: «Завтра решу, что с тобой делать». Это означает, что бандит этот – фигура мелковатая и он либо не уполномочен решать судьбу захваченных им пленных, либо намерен сделать какой-то обмен.

А сегодня все наши будут стоять на ушах. Шутка ли: уничтожена группа журналистов, пропала немецкая корреспондентка. Что подумает мое руководство и как доложит о ЧП Каретников? Наверняка постарается всю ответственность свалить на меня.

Ингрид проснулась с первыми лучами солнца. Она уселась на одеяле, зевнула и потянулась. Уставилась на Максима широко раскрытыми глазами, усмехнулась:

– Поразительно! Первый раз спала в постели с мужчиной, который меня не домогался.

– Это комплимент или упрек?

– Скорее, удивление.

– Послушай, Ингрид, времени мало, поэтому я хотел бы сказать тебе основное. Мы в плену вооруженной оппозиционной группировки. По первичным признакам, она примыкает к «Джебхад ан-Нусра» или к «Аль-Каиде». Это радикальные исламисты. Для них убить человека – все равно, что прирезать курицу. Поэтому при общении с ними не качай права, не дави на жалость и выполняй все их приказания.

– Даже идиотские?

– Да, даже идиотские. Пойми: женщина у них не человек. Она – как дорогая лошадь. Я не знаю, что у них на уме. Но, скорее всего, тебя будут выкупать. Поэтому ты для них сейчас товар.

– Ужас!

– Исходя из этого, они не будут причинять тебе вреда. Но твой плен будет продолжаться долго.

– А что будет с тобой?

– Не знаю. Но, судя по ходу последних событий, в ближайшее время они меня убивать не собираются.

Ингрид встала, подошла к Максиму, глядя ему в глаза, спросила:

– Я могу тебе чем-нибудь помочь?

– Можешь, – Максим вяло улыбнулся. – У тебя хорошая память на цифры?

– Да, телефоны ближайших друзей помню наизусть.

– Запомни еще один телефон. – Максим продиктовал девушке семь цифр. Ингрид повторила их два раза.

– Запомнила.

– Это телефон моего начальника, его фамилия Плешкунов...

– Плэ-шку-нов, – повторила Ингрид по слогам, – это труднее, но запомню.

– Позвони ему, когда у тебя будет возможность. Сообщи, как все было, и скажи: я никого не предавал.

– Хорошо, я это сделаю. Мне страшно, Максим. – Она припала к его груди, всхлипнула.

– Не бойся! Со смертью всегда можно договориться. Надо только говорить на ее языке.

– Майн гот, как ты можешь такое говорить!

Снаружи началось какое-то движение: шум подъезжающих машин, топот ног нескольких людей. Максим подошел к узкому окну, приподнялся на цыпочки. Вдалеке на улице увидел несколько подъехавших джипов.

– Что там? – напряженно спросила Ингрид.

– Кто-то подъехал. Вероятно, за мной.

Он подошел к девушке, сел рядом с ней на одеяло.

Они сидели рядом несколько минут и молчали. Ингрид подобрала ноги под себя и обхватила колени. Максим сцепил руки в замок, опустив их на землю.

– Скажи, Максим, почему в них столько ненависти? Зачем они убивают? – Девушка растерянно посмотрела на Иконникова.

– Очередной передел мира. Вы можете объяснить феномен Гитлера? Как в вашей стране, в центре мировой цивилизации, могло вырасти такое чудовище? Причем, заметьте, не без помощи европейской элиты.

– Но сейчас-то двадцать первый век. Мы, Европа, отрываем от себя, даем им гуманитарную помощь, учим их демократии...

– Демократии? – усмехнулся Максим. – Прежде, чем навязывать человеку свои ценности, вы должны подумать, а подойдут ли они ему. Вы пытаетесь надеть намордник на волка. И не можете понять, что волк никогда не потерпит его на себе. А потом недоумеваете: почему он нас кусает? Вы даже не подозреваете, что голодный волк рядом – это то, что вас скоро сожрет.

– Но что делать-то?! – в отчаянии воскликнула Ингрид.

– Не знаю. Вам не надо было лезть со своей демократией в мир, который вы не знаете. А он сложный, этот мир. Там есть тонкие механизмы саморегулирования, которые шлифовались веками. А вы – как слон в посудной лавке. Влезли туда со своей демократией и выпустили джинна из бутылки.

– Значит ли это, Максим, что это война между нашим миром и ими?

– Да, Ингрид. Это конфликт цивилизаций. И это надолго. Теракты в Европе станут таким же обыденным явлением, как осенние дожди. Европа захлебнется в крови...

Снаружи послышались шаги. Щелкнул засов. В помещение вошли два боевика. Один из них ткнул указательным пальцем в сторону Максима:

– Стэнд ап!

Максим встал. Бородач подошел к нему и неожиданно ударил в солнечное сплетение. Максим согнулся, застонал. Второй бандит зашел к пленному сзади, быстро связал руки, подтолкнул на выход: «Гоу!»

На пороге Максим повернулся к Ингрид, прохрипел: «Не забудь – Плешкунов».

Глава 8

Его вели по городской улице. Утреннее солнце било прямо в глаза. Максим подставлял лицо солнечным лучам, наслаждаясь теплом. «В последний раз», – мелькнуло в сознании. Страх не было. Но было невыносимое чувство тоски, которое он еще никогда не испытывал.

Подшли к тому же самому дому, в котором он был вчера вечером. Один из сопровождающих вошел в здание, другой остался с пленным. Максим оглянулся. На площади стояли несколько джипов и один БТР. Несколько боевиков рядом с ним. На пленного они не обратили никакого внимания.

Через минуту из здания вышли двое: Саладдин и смуглый мужчина с одутловатым лицом и пышными черными усами. Он скользнул по Максиму равнодушным взглядом, повернулся к Саладдину:

– Как он себя назвал?

– Подполковник, военспец, – Саладдин подобострастно улыбнулся, – я тебя уверяю, Саиф, это важная птица, вот его документы.

Услышав имя Саиф, Максим напрягся, внимательно посмотрел на араба. Неужели тот самый? Память разведчика мгновенно с какой-то потайной полочки выдала Максиму нужную информацию: «...*Саиф аль-Адля, бывший египетский полковник, опытный террорист, взорвавший американское посольство в Кении. Разыскивается несколькими европейскими разведками. Один из руководителей «Аль-Каиды...*»

Эту ориентировку он читал перед своей командировкой в Сирию. Фотография в литературном деле была, правда, плохого качества. Но тот факт, что это был всемирно известный террорист, сомнений не вызывал. «Значит, Саладдин отдает меня Саифу. Хрен редьки не слаще».

Между тем деловой разговор бандитов продолжался:

– ...Хорошо, Саладдин, давай мне его документы.

– Ну а как с девчонкой, Саиф? Возьми ее, за нее дадут хороший выкуп. А я недорого прошу.

– Послушай, Саладдин, – Саиф усмехнулся, – половину выкупа надо будет отдавать посредникам. Кроме того, это долгий процесс, и мне некогда с этим возиться. Занимайся сам. – Он отвернулся от Саладдина, приказал своим бородачам, стоявшим у БТРа: – Грузите этого в джип!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.